

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 3.30.32.303.01

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

ЛУКИН В. Н.
МУСИЕНКО Т. В.

АННОТАЦИЯ

В статье показано, что период глобализации отмечен появлением принципиально новой концепции безопасности – концепции человеческой безопасности. Раскрыты особенности трактовки безопасности человека с позиций институционального, политико- культурологического, антропологического, микрополитического и иных подходов к интерпретации проблемы человеческой безопасности в современной политической науке.

Ключевые слова: концепция человеческой безопасности; глобальная безопасность; глобализация; терроризм.

MODERN CONCEPT OF HUMAN SECURITY: NEW APPROACHES

LUKIN V. N.
MUSIENKO T. V.

ABSTRACT

The article shows that the period of globalization marked the emergence of a fundamentally new concept of security - the concept of human security. Specifics of interpretations of human security from the position of the institutional, political, cultural, anthropological, micropolitical and other approaches to the interpretation of the problem of human security in modern political science are revealed.

Keywords: concept of human security; global security; globalization; terrorism.

Современная политическая наука развивается в условиях трансформации того общественного устройства, в котором существует человек, когда нарастает интенсивность связей между людьми, отдельными группами, нациями, государствами, цивилизациями. Становление единого взаимосвязанного, взаимозависимого и взаимопроникающего мира сопровождается утратой самодостаточности традиционных национально-государственных форм человеческого бытия и формированием нового

его качества, сущностной характеристикой которого является всеобщность.

На первый план выходят фундаментальные проблемы мироустройства, а также связанные с ними изменения, которые переживает мир, общество, человек в условиях глобализации, когда сеть взаимосвязей структурных единиц мегаобщества настолько усложняется, что связи на мега-, макро-, мезоуровнях непосредственно фокусируются в отдельно взятой личности – на микроуровне.

Все более заметной становится тенденция к рассмотрению микрополитических проблем в контексте глобализации [9]. Предметом научных исследований становится анализ проблем глобальной и личной безопасности.

Дискурс безопасности настолько сложен, что не может быть ограничен тем или иным узким смыслообразующим значением. Соответственно, в основе реальной мировой политики не должна лежать сколько-нибудь ограниченная концептуальная основа понимания проблемы безопасности в глобальном, но все же фрагментированном мире.

Период глобализации отмечен появлением принципиально новой концепции безопасности – концепции человеческой безопасности (the Concept of Human Security: HS) [5, 2]. В среде акторов мировой и национальной политики, у лидеров неправительственных организаций (NGOs), в академических кругах формируется понимание изменений, произошедших в самой сути безопасности в современном мире. Национальная безопасность и территориальная целостность в нем перестают быть гарантией реальной безопасности человека.

Тем самым обозначился переход от государствоцентричной (State) концепции национальной безопасности к мегауровневой концепции общей безопасности и микроориентированной (Individual) концепции человеческой безопасности как основы современной мировой политики.

Микроориентированный подход к проблеме безопасности нашел отражение в программных документах ООН. В самой концепции человеческой безопасности (HS) в фокус внимания был помещен аспект безопасности человеческой жизни и достоинства личности.

Соответственно, в концепции HS определились четыре ее сущностные характеристики: а) универсальный характер; б) взаимозависимость всех компонентов; в) превентивный характер мер по обеспечению; г) концентрация внимания на интересах

людей, личности.

Канада, Норвегия, Япония стали странами, первыми инкорпорировавшими концепцию HS в качестве основы официальной политики своих государств на мировой арене [3].

Существуют самые различные трактовки HS и ее составляющих.

ООН принята модель HS, включающая семь параметров безопасности человека, а именно, показателей, характеризующих: 1) экономическую безопасность; 2) политическую безопасность; 3) общественную безопасность; 4) личную безопасность; 5) безопасность окружающей среды; 6) питание; 7) здоровье.

Появляются альтернативные классификации компонентов HS.

Джорджем Маклином, (MacLean G.) обосновывается многоуровневая концептуальная модель HS. Такова концепция индивидуальной безопасности, учитывающая характеристики непосредственного окружения личности, ее общественных связей и более широкого окружения (внешней среды). Характерно, что в широкий спектр показателей, уточняющих указанные основные параметры входят такие аспекты, как личная безопасность индивида и его защита от применения насилия и причинения вреда, защита от преступных действий и терроризма в отношении личности [4].

Профессор Гарвардского университета специализирующийся в области проблем управления, Гарри Кинг (King G.) выдвигает концепцию HS, предусматривающую четыре основные стратегии обеспечения безопасности человека в глобальном мире: а) стратегия оценки рисков (Risk Assessment); б) стратегия превентивных действий (Prevention); в) стратегия защиты (Protection); г) стратегия компенсации (Compensation).

В формуле RA–P–P–C ключевое место отведено оценке рисков, что предполагает совершенствование знания и на этой основе прогнозирование потенциальных рисков и угроз благосостоянию человека.

Оценка рисков рассматривается как

центральный компонент мировой политики в сфере обеспечения безопасности человека. Решение задачи по разработке стратегии оценки рисков связывается с необходимостью создания соответствующей базы данных и развитию методов исследования рисков, включая психологические, социально-психологические и иные методы, позволяющие давать адекватные прогнозы возможных угроз в сфере безопасности.

Стратегия превентивных действий предполагает разработку и осуществление мер по уменьшению рисков.

Стратегия защиты включает в себя действия по максимальному сокращению возможного или уже нанесенного ущерба.

Стратегия компенсации означает усилия по обеспечению финансовой поддержки тех, кто находится за чертой бедности, через систему страхования, гуманитарную помощь и иные формы [3].

Ян Шолте (Scholte J. A.), определяя глобализацию как процесс детерриториализации (Deterritorialization), когда «социальное пространство уже более не определяется пространством территориальным, масштабом территории и территориальными границами» [6, P.16], выдвинул также пока еще во многом несовершенную концепцию HS (Human Security), предусматривающую создание глобальных структур управления, редистрибуцию (перераспределение) благ между Севером и Югом, тройственный союз бизнеса, государства и гражданского общества в реализации стратегий обеспечения безопасности человека.

Разработаны межсетевые модели обеспечения безопасности (Legal Inter-Network for Terrorism), исходящие из того, что противодействие терроризму должно опираться в целом на концепцию человеческой безопасности, учитывающую как бихевиоральные, так и институциональные аспекты стратегии HS.

Майкл Дартнелл (Dartnell M.) полагает, что глобальное противодействие терроризму представляется возможным через создание международных сетей, легитимно

ограничивающих распространение терроризма на всех уровнях (международном, национальном, общественном, региональном, личностном). Государство выступает здесь лишь как один из элементов сетевой структуры, компоненты и элементы которой взаимодействуют, дополняют и уравнивают друг друга, функционируя на легитимной основе. Сетевая структура представляет систему многосторонних соглашений и международных конвенций, включающую также подсистемы права отдельных государств, легального информационного обмена между государствами, межгосударственного сотрудничества и координации ответных действий в отношении угрозы терроризма на любом уровне. Институциональная составляющая межсетевой модели противодействия терроризму предстает сложным комплексом соглашений, направленных на:

- противодействие особым типам поведения, сопровождающегося применением насилия;
- защиту личной безопасности;
- установление контроля над использованием материалов, представляющих опасность для жизни человека, таких как биологическое и химическое оружие, ядерные материалы, взрывоопасные материалы и токсическое оружие [1].

Отличительной чертой сетевой модели HS является ее интегральный характер, соединение в одном концептуальном решении бихевиорального подхода – терроризм рассматривается как дифференцированная форма поведения, по природе своей близкая международной преступности и, более того, тесным образом связанная с нею; и институционального подхода – сложившаяся система конвенций по противодействию терроризму оценивается как эффективная база для создания в перспективе межнациональной сети глобального ограничения терроризма.

Нельзя не согласиться, что лежащая в основе этой модели идея сетевых связей (Relational-Based Concept) в большей мере

корреспондируется с межсетевым характером современного глобального сообщества, чем традиционная концепция мирового порядка. А бихевиоральный подход в концептуализации глобальной системы противодействия терроризму в определенной мере может способствовать выработке универсальных норм и правил управления политически мотивированным насилием.

Достижение интернационального консенсуса и развитие международного сотрудничества в понимании природы терроризма затруднено расхождением ценностей, а, следовательно, и оценок, взглядов различных субъектов мирового сообщества в отношении мотивов действий террористических групп и организаций, особенно, если эти оценки не совпадают с западной системой норм и ценностей.

В этих условиях приоритетное значение приобретают культурологический подход к пониманию безопасности в целом, и в частности концепция геокультуры, трактуемая в аспекте межкультурной и межцивилизационной адаптации, связанной прежде всего с процессами глобализации и регионализации (Нурышев Г.Н.) [10].

Концепция человеческой безопасности разрабатывается с позиций институционального подхода, в том числе в контексте экономической теории (Биктимиров 3.3.). Это позволяет расширить рамки исследования не только проблемы безопасности человека, но и новой модели развития личности. Проблема безопасности человека рассматривается во взаимосвязи с проблемой качества жизни и развития человека. Предлагается система критериев многомерной классификации угроз безопасности [7].

Малоразработанным аспектом теории международных отношений является тема антропологии международных отношений и антропологический подход к проблеме международной безопасности. Российскими исследователями (Дробот Г.А.) изучаются конкретные аспекты антропологического подхода к проблеме безопасности, которые заключаются в следующем: этнические

сообщества и военные угрозы, гендерный фактор и военные угрозы, психологические аспекты международного насилия [8].

В отечественной политической науке проведены исследования, содержащие анализ основных подходов к интерпретации индивидуального уровня угроз международной безопасности (Чихарев И.А.). Выявлены причины повышения исследовательского интереса к факторам индивидуального уровня в международно-политической науке конца XX - начала XXI веков, проанализированы некоторые проблемы изучения восприятия и оценки угроз международной безопасности [11].

Современные теории человеческой безопасности оцениваются отечественными учеными с позиции возможности их применения для разработки соответствующих политических стратегий с учетом российского политического контекста (Цыганков П.А.). Результатом рассмотрения основных вариантов теории человеческой безопасности является вывод о некорректности утверждений о приоритетности безопасности человека и обоснование тезиса о взаимосвязи всех уровней системы безопасности, когда безопасность человека не может быть обеспечена за счет и вопреки безопасности государства [12].

Таким образом, микрополитическая концептуальная линия с ее акцентом на психологии и социологии человека, факторах его социополитической активности, политикоантропологический подход, а также институциональная и политикокультурологическая концептуальные перспективы дают реальные возможности определения общих, универсальных принципов системы безопасности человека в современном мире.

Список литературы

1. Dartnell M. A Legal Inter-Network for Terrorism: Issues of Globalization, Fragmentation and Legitimacy // The Future of Terrorism / Eds. Max Taylor and Jhon Horgan. London etc.: Frank Cass, 2001. – P. 197–208.

2. Disaster Management and Human Health Risk: Reducing Risk, Improving Outcomes / Eds. by K.Duncan, C.A.Brebbia. Southampton, UK: WIT Press; Billerica, MA: Computational Mechanics, 2009. – 392 p.

3. King G., Murray Ch. J. Rethinking Human Security // Political Science Quarterly. – 2001-2002. – Vol. 116. – № 4. – P. 604–608.

4. MacLean G. The Changing Perception of Human Security: Coordination National and Multilateral Responses: The United Nations and the New Security Agenda. United Nation Association in Canada. 10 March 2001 // (<http://www.unac.org/canada/security/maclean.html>).

5. Transnational Terrorism, Organized Crime and Peace-building: Human Security in the Western Balkans / Wolfgang Benedek (ed.) – New York: Palgrave Macmillan, 2010.

6. Scholte J.A. Globalization: a Critical Introduction. – New York, St. Martin's Press. – 2000.

7. Биктимиров З.З. Безопасность человека в контексте экономической теории // Журнал экономической теории. – 2008. – №3. – С. 20 – 33.

8. Дробот Г.А. Человек как субъект угроз международной безопасности (антропология безопасности) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 21 – 24.

9. Мусиенко Т.В. Микрополитика в современном мире. – СПб.: Наука, 2003.

10. Нурышев Г.Н. Геокультура: современные концепции // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – С. 123 – 129.

11. Чихарев И.А. Индивидуальный уровень анализа международной безопасности: новые теоретические подходы // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 16 – 20.

12. Цыганков П.А. Теория человеческой безопасности: политические последствия и уроки для России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 78 – 83.